

© 2005 г. Д.И. ЭДЕЛЬМАН

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ И “ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ”

Статья посвящена вопросам сравнительно-исторической лексикологии иранских языков, связанным с составлением “Этимологического словаря иранских языков” (ЭСИЯ). Рассматриваются проблемы реконструкции лексических единиц и лексики как системы в наиболее архаичном праиранском состоянии. Особое внимание уделено реконструкции слова как языкового знака, трудностям семантической реконструкции единичных слов и соотношений слов в праязыковой лексической системе, включая выявление синонимии и омонимии. Описывается теоретическая и методическая база ЭСИЯ: отражение в нем подхода к праиранскому состоянию как к континууму диалектов, более архаичных, чем было принято считать в традиции конца XIX – начала XX века; включение иранского этимологического корпуса в общую индоевропейскую систему в качестве ее подсистемы. Объясняются причины преимущественно корневого принципа построения ЭСИЯ и структуры словарных статей.

Изучение иранских языков в сравнительно-историческом, историко-типологическом и ареальном аспектах с учетом изменений не только в структурном и материальном отношениях, но и в содержательной стороне языка заострило целый ряд различных по характеру проблем языковой диахронии. В частности, высветился большой комплекс лексикологических проблем, нашедших отражение в работах последних десятилетий. Основные историко-лексикологические проблемы в них связаны, с одной стороны, со сравнительно-исторической лексикологией и реконструкцией лексики наиболее архаичного общеиранского праязыкового состояния, с другой, – с типологическими и ареальными штудиями, анализом специфики диахронических изменений в лексике отдельных иранских языков, давно и далеко разошедшихся в лингвистическом и ареальном планах, контактирующих с разными языками других семей.

В данной статье предлагается рассмотрение некоторых проблем сравнительно-исторического анализа лексики иранских языков и составления “Этимологического словаря иранских языков” (далее – ЭСИЯ).

Реконструкция праязыковой лексики базируется, как известно, на реконструкции отдельных праязыковых лексических элементов, что подразумевает их представление в определенном фонетическом облике, фонологическом составе, с учетом слово- и формообразования, а также предполагаемой семантики в системе праязыкового периода. Иными словами, реконструкция праиранской лексики связана, с одной стороны, с реконструкцией общей праязыковой системы в структурном и материальном плане, то есть в том плане, который обуславливает реализацию “означающего” в слове, с другой стороны, – с реконструкцией предположительной семантики этого слова, его “означаемого”. Краткий обзор этого круга проблем делался при разработке общих положений сравнительно-исторической грамматики иранских языков и, в частности, сравнительно-исторической лексикологии, а также на начальной стадии формирования корпуса ЭСИЯ (см. [Эдельман 1986: 23–65; 1990: 9–67; 1992; 1994: 62; 1995; 1996], там же литература).

Теперь, когда работа над ЭСИЯ уже идет (первые два тома изданы, см. [ЭСИЯ 1; ЭСИЯ 2], третий практически подготовлен для публикации, разрабатывается этимоло-

логический корпус остальных томов)¹, можно сказать, что некоторые из проблем этого круга в целом удалось решить, другие же, наоборот, в ходе работы усугубились. Добавились также новые общие соображения и конкретные вопросы к отдельным словарным статьям, отвечать на которые приходится уже в процессе непосредственной работы над текстом каждого из томов ЭСИЯ. И поскольку, как представляется, сходные проблемы и вопросы могут возникать у исследователей лексики и составителей этимологических словарей разных языковых семей, имеет смысл обсудить их здесь, в широкой аудитории (частично повторив по мере необходимости некоторые общие соображения, обсуждавшиеся ранее).

1. ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ ЭСИЯ

Сама идея составления “Этимологического словаря иранских языков” назревала давно, но особенно четко ее сформулировал в 1959 г. О. Семерёnyi в первой из серии своих этимологических статей (вышедших под названиями “Iranian Studies” и “Iranica” с соответствующими номерами, см. [Szemerényi 1959; 1967] и др.). Согласно его замыслу, такой словарь должен стать собранием словарных гнезд (word-families), где в качестве заглавного слова выступало бы древнеиранское или праиранское, а в словарной статье рассматривались бы его дериваты и их исторические продолжения [Szemerényi 1959: 60].

В принципе, создание словаря такого типа в те годы (и даже значительно раньше) было вполне возможным, поскольку к тому времени уже было накоплено в литературе большое число этимологических наработок, которые нуждались в систематизации. Вместе с тем, хотя обобщение возможно на любой стадии накопления материала, существовавший к концу 50-х годов XX века иранский этимологический фонд был ограничен в основном письменной базой: данными памятников вымерших языков – древнеиранских и так называемых “среднеиранских” (то есть языков, утративших древние черты и относящихся к более поздним эпохам, но не доживших до нашего времени), а из современных – данными крупных литературных языков (в основном, персидского, отчасти таджикского, курдского и пашто). Этимологические разработки лексики других языков иранской семьи: осетинского, отдельных бесписьменных языков и диалектов Центрального Ирана и бесписьменных языков и диалектов Средней и Центральной Азии (см. [Миллер 1881; 1882; 1887; GIPh I, 2; Абаев 1949; Абаев ИЭСОЯ; Morgenstierne 1928; 1929–1973; 1958] и нек. др.) – были счастливыми исключениями. По целому ряду языков не было не только описаний и словарей, но даже небольших списков слов.

Поэтому развившееся во второй половине XX века изучение многих других иранских языков в синхронном аспекте, включая составление словарей, а также в историческом аспекте, включая этимологические разыскания, привело к уточнению и к частичному пересмотру результатов более ранних сравнительно-исторических штудий, а тем самым, – и к пересмотру многих этимологических выкладок.

Следует отметить попутно, что наибольшая часть серьезных исследований живых иранских языков, включая бесписьменные, малоизученные и ранее не изучавшиеся (о важности последних для этимологической работы будет сказано ниже), была осуществлена в СССР и затем в России, в основном, трудами ученых московской и ленинградской (= петербургской) иранистических школ, а также трудами их учеников и последователей в Осетии и Таджикистане. Был накоплен интереснейший материал, который, однако, мало использовался в сравнительно-исторических целях: за рубежом эти работы были далеко не всегда известны (к тому же не все западные ученые владе-

¹ Очередные тома “Этимологического словаря иранских языков” были подготовлены и первые два тома изданы при финансовой поддержке РГНФ, проекты №№ 94-06-19080а, 98-04-06260а, 99-04-00243а, 02-04-00071а и 99-04-16235д, 02-04-16056д).

ли русским языком), здесь же до начала 50-х годов, точнее до “дискуссии о языке”, проводники культа марризма активно препятствовали проведению и особенно публикации глубоких сравнительно-исторических исследований (включая этимологические), для которых одним из базовых является понятие праязыка, считавшееся крамольным. Иранистика как часть “идеологически чуждой” индоевропеистики была в этом отношении особенно уязвимой.

В дальнейшем в результате введения в научный обиход большого нового материала иранских языков и развития сравнительно-исторических исследований, охватывающих в том числе и малоизученные и вовсе не изученные ранее языки, ко времени начала работы над ЭСИЯ было накоплено большое количество этимологических разработок. Они содержатся в словарях, как специальных этимологических словарях отдельных иранских языков, так и таких, где этимология является значимой частью словарной статьи. Ценный этимологический материал содержится также в трудах, посвященных определенным группам лексики (объединенным семантикой [Стеблин–Каменский 1982; 1985; 1987] или определенными формальными признаками: историко-фонетическими, морфологическими или словообразовательными [Стеблин–Каменский 1971; 1981]). Налицо также большое число этимологических разработок во многих монографиях, см. особенно [Основы 1979–1997], где каждый из иранских языков получил краткое синхронное описание и большой сравнительно-исторический анализ, отчасти [Compendium 1989] с краткими сведениями по истории языков, а также в обобщающих сравнительно-исторических трудах по отдельным генетическим подгруппам [Соколова 1967; 1973; Edelman 1980] и по двум основным генетическим группам иранских языков [Эдельман 1986; 1990; Расторгуева 1990]. Ценные этимологии представлены также во многих статьях, отдельных заметках и т. д., включая примечания и “реплики” в ходе обсуждения других проблем; общий обзор таких работ был сделан на предварительном этапе работы над ЭСИЯ, см. [Эдельман 1994: 62]. Теперь к этимологическому фонду можно добавить вышедшие позднее словари [Gharib 1995; Стеблин–Каменский 1999; Цаболов 2001].

Следует оговориться, что не все этимологии, опубликованные в разных трудах, в одинаковой степени аргументированы, некоторые нуждаются в проверке и коррекции. Не все реконструкции имеют одинаковую хронологическую глубину, то есть не все этимологически родственные слова разных иранских языков в разных трудах соотнесены с прототипами одного и того же хронологического среза и древней ареальной приуроченности. Например, в некоторых работах слова среднеперсидского языка или современных персидского и таджикского возводятся к древнеперсидскому слову-предшественнику, ягнобские слова – к соответствующим согдийским, курдские – к древнеиранскому, слова некоторых памирских языков – к древнему восточноиранскому диалекту или к предположительному промежуточному состоянию между древним и современным состоянием языка, слова хотаносакского языка – к праиранскому или даже индоевропейскому; в ряде работ этимологическая часть состоит в сравнении с родственным авестийским словом и т. д. Такие этимологии вполне правомерны при изучении истории каждого конкретного языка, включая его историческую лексикологию, однако для реконструкции праиранских лексических элементов, общих для разных иранских языков, они далеко не всегда достаточны. К тому же этимологии некоторых слов у разных исследователей могут не совпадать. См., например, обзор разных мнений об этимологии ряда осетинских слов в [Абаев 1965: 6–14], разную трактовку этимологий некоторых хотаносакских слов в работах [Bailey 1979] и [Emmerick 1968; Emmerick, Skjærvø 1982; 1987] и т. д.

Тем не менее сведение наиболее достоверных или убедительно аргументированных этимологий в единую систему на данном этапе наших знаний об истории иранских языков представляет собой трудную, но в целом выполнимую задачу.

За годы работы в области диалектологии и описания малоизученных или не описанных ранее языков, а также работы в области сравнительно-исторического, историко-типологического и ареального изучения иранских (и родственных им или смежных с

ними ареально) языков² составители ЭСИЯ собрали большие этимологические картотеки конкретных слов разных иранских языков (В.С. Расторгуева – в основном западноиранских, Д.И. Эдельман – в основном восточноиранских); многие из этих этимологий ждут своей публикации. В ходе работы над словарем разрабатываются и новые этимологии, которые также нуждаются в систематизации в рамках единого этимологического словаря. Естественно, ЭСИЯ не может претендовать на полноту охвата всех продолжений каждого общеиранского корня или основы – более или менее полный словарь может быть составлен на протяжении многих лет большим коллективом ученых. Он не претендует и на охват всех слов каждого иранского языка – это задача этимологических словарей конкретных иранских языков.

2. ЭСИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАИРАНСКОГО ЛЕКСИКОНА

Главной и первой целью работы над ЭСИЯ стала попытка реконструкции действительно праязыковых лексических элементов – прототипов исконных иранских слов – и, тем самым, попытка выявления праиранского лексического фонда. Для этого требовалось составление сводного систематизированного корпуса таких лексических элементов, которые могли функционировать в единый для всей семьи праязыковой период и которые стали прототипами для этимологически родственных слов разных иранских языков, живых и вымерших.

Для работы над словарем, помимо собранных этимологий, была подготовлена теоретическая и методическая база: к этому подвели исследования последних десятилетий, посвященные не только собственно этимологии слов иранских языков, но и системному изучению истории иранских языков в целом, а именно, исследованию их структуры не только в сравнительно-историческом, но и в историко-типологическом и ареальном аспектах. Это способствовало уточнению представления о системе реконструируемого общеиранского праязыкового состояния и дало возможность сделать более четким представление о фонологическом и фонетическом облике, о внутренней форме реконструируемых лексических единиц, об их возможной диалектной отнесенности.

В частности, удалось существенно откорректировать наши представления об общеиранской праязыковой фонетической и фонологической системах, о словообразовательных и словоизменительных особенностях многих слов, об ареальной, хронологической и жанровой стратификации праязыкового состояния, в том числе и в системе лексики.

Как известно, классическая индоевропеистика и входящая в нее как составная часть иранистика XIX – начала XX в. базировалась в своих реконструкциях праязыковых элементов и праязыковой системы в целом главным образом на фактах языков древних памятников. Общеиранская праязыковая система реконструировалась в основном на базе языков Авесты и древнеперсидского. Данные живых языков использовались в значительно меньшей степени, почти совсем не привлекались данные “малых” бесписьменных языков и диалектов (многие из них еще не были известны в тот период). Вместе с тем, некоторые “отклонения” в живых языках от классической схемы развития, как оказалось, далеко не всегда обусловлены инновациями: иногда они являются архаизмами или рефlekсами наиболее архаичного общеиранского облика слов. При этом “малые” живые языки, особенно бытующие в условиях относительной изоляции или являющиеся “непрестижными” в том или ином регионе, подчас хранят рефlekсы более архаичного состояния, чем то, которое зафиксировано в языках памятников (подробнее о таких явлениях см. [Эдельман 1996]).

² См., например [Расторгуева 1964; 1990; Эдельман 1968; 1971; 1986; 1990; Edelman 1983], а также статьи в журналах и сборниках, разделы в коллективных трудах [Опыт 1975; Основы 1979–1997].

Учет этого обстоятельства и обработка таких “рудиментарных” данных живых языков сыграли большую роль в реконструкции фонетической, фонологической, морфологической системы праиранского состояния и тем самым дали возможность уточнить этапы филиации арийской и затем иранской семьи. Выяснилось, что действительно общая для всех иранских языков праязыковая система оказалась более архаичной и в большей степени “отодвинутой” к общеарийскому состоянию, чем та, которая традиционно базировалась лишь на материале древнеиранских памятников. Подробнее об этой системе см. [Эдельман 1982; 1986: 24–57; 1992; 2000: 12–17], здесь же достаточно упомянуть, например, что рефлексy индоевропейских палатальных согласных $*\bar{k}$, $*\bar{g}$, $*\bar{g}h$, прошедшие через этап поздних общеарийских $*\acute{c}$, $*j$, $*jh$, в общеиранском состоянии еще не подверглись полной ассибиляции (т. е. не стали еще полностью “свистящими” сибиллянтами s , z), а находились на стадии “свистяще-шипящих” $*\acute{s}$ и $*\acute{z}$. Впоследствии в разных регионах общеиранского праязыкового континуума они отразились несколько различно: если в центральном ареале они действительно относительно рано перешли в разряд “свистящих” сибиллянтов $*s$, $*z$, то в окраинных диалектах эта инновация произошла не сразу, а в некоторых из них рефлексy индоевропейских палатальных трансформировались иначе. Благодаря этому теперь мы можем различать, например, рефлексy индоевропейских $*\bar{k}$ и $*s$ в начале и середине слова и в составе определенных консонантных групп. Переход индоевропейского $*s$ в праиранское $*h$, который считался глобальным для иранской языковой семьи, оказался свойственным лишь отдельным позиционным вариантам; некоторые фонемы в разных ареалах праиранского диалектного континуума реализовались фонетически неодинаково и имели различные фонологические результаты и т.п.

При этом стало особенно очевидно, что “классические” прототипы слов, выведенные из фонетического облика авестийского и древнеперсидского материала, не всегда отражают действительно наиболее архаичный праиранский облик лексем, а часто представляют собой один из древних диалектных вариантов. Ср., например, продолжения и.-е. $*putlo-$ ‘сын’, $*trei-$ ‘три’ с сохранением консонантной группы $*tr$ в др.-инд. $putrá-$, $tray-$, при спонантизации первого компонента, как считалось, в праиранском, ср. авест. $puθra-$ ‘сын’, $θray-$ ‘три’, $θritiya-$ ‘третий’, и при дальнейшем стяжении в ζ в др.-перс. $pu\zeta a-$ ‘сын’, $*\zeta i-$ – в порядковом числительном $\zeta i\bar{t}iya-$ ‘третий’ и т.д. Однако отдельные восточноиранские языки сохраняют группу $*tr$ относительно долго: либо до настоящего времени, как в ваханском $p\acute{a}tr$ ‘сын’, $tru(y)$ ‘три’, либо, преобразовывая ее таким образом, который не подразумевает промежуточной ступени, в виде спонантизации первого согласного. Сюда относятся, например, пашто dre ‘три’, хотаносакский $drai$, $draya$ ‘три’ – с озвончением более раннего $*t-$ (по аналогии с $*du\zeta a-$ ‘два’); язг. poc ‘сын’, $c\acute{u}y$ ‘три’ (с сохранением смычного элемента при стяжении группы $*tr$); шугн. puc ‘сын’ < $*putra-$, но $aray$ ‘три’ < $*θrai\bar{h}$ -. Последний пример подчеркивает относительно поздний, не общеиранский характер этой спонантизации, являющейся не “фонетическим законом”, а тенденцией, зависимой от вторичной фонемной синтагматики разных иранских языков (подробнее см. [Эдельман 1986: 23–65]).

Все это диктовало способ подачи в ЭСИЯ реконструируемых единиц наиболее архаичной общеиранской лексики.

Кроме того, когда стало ясно, что наиболее древняя праязыковая система представляла собой не монолитный “ствол генеалогического древа”, а некий континуум говоров и диалектов, с определенными ареальными вариантами на фонетическом, фонологическом и морфологическом уровнях, то естественно стало ожидать их и на уровне лексики. Это подтвердилось затем в ходе работы над словарем. К тому же, учитывая специфику лексического уровня – наиболее тесную связь с содержательной стороной языка, можно было предположить *a priori* существование ареальных лексических вариантов не только в виде наличия или отсутствия той или иной лексической единицы в том или ином регионе праиранского континуума, но и в виде семантических элементов, вариантов, оттенков, свойственных слову в одном регионе, но не свойственных в другом.

В связи с этим уже на подготовительном этапе определилась необходимость учета принципов семантической реконструкции лексем столь же раннего общеиранского праязыкового хронологического уровня, что и их реконструированный фонетический облик, фонологический состав и словообразовательные модели. Большую помощь оказали общетеоретические и методические исследования в области семантической реконструкции: они стимулировали особо пристальное внимание к этой проблеме в исторической лексикологии иранских языков и в определении места того или иного реконструируемого слова в лексической системе праязыка, что оказалось далеко не просто, о чем будет сказано ниже.

Вместе с тем, некоторые лексические различия, которые считались прежде различиями между генетическими группами иранских языков, в действительности оказались не связанными с генетической дивергенцией иранской языковой семьи. Не все ареальные разновидности праязыкового континуума продолжились позднее, при последующей дивергенции иранских языков, в качестве вторичных “праязыков” генетических групп и подгрупп, что отразилось и в лексике. Поэтому, в частности, считавшиеся традиционно привязанными к определенным генетическим группам различные названия рыбы (продолжений прототипа **kapa-* в восточной группе и слов типа перс. *māhi*, восходящих к **matsja-*, – в западной), собаки (продолжений **spaka-*, точнее **šya-ka-* в западной группе и **kuti-*, точнее **kuta-* м.р., **kui-* ж.р. – в восточной) и некоторые другие оказались на деле присущими языкам и той, и другой генетической группы.

3. ИРАНСКАЯ БАЗА СЛОВАРЯ

Предполагается, что для словаря такого типа важен охват возможно более полного состава исконных лексем-прототипов, которые продолжились в разных иранских языках. При этом желательно, чтобы рефлексы этих лексем прослеживались в языках, относящихся к разным ареалам иранского мира и к разным генетическим подгруппам. Это делает более доказательным существование данной лексемы в праиранском состоянии или, во всяком случае, в разных ареалах праязыкового континуума. Приходится, однако, мириться с неизбежными лакунами, которые объясняются либо недостаточностью известного материала того или иного языка (например, отсутствием фиксации слова в текстах вымерших языков, отсутствием словарей некоторых живых языков и диалектов), либо утратой слова в каком-либо языке при замене его инновационным собственным словом или заимствованием.

Поскольку рефлексы праиранских основ и корней прослеживаются в языках разных эпох, в ЭСИЯ входит материал, относящийся к разным языковым периодам. Рассматривается лексикон: 1) языков древнего периода как зафиксированный в памятниках письменности (авестийский, древнеперсидский, хотя их тексты количественно и жанрово ограничены и представляют далеко не полный объем имевшейся в те периоды лексики), так и дошедший до нас в “побочных источниках” в виде заимствований из иранских языков (мидийского, древнеперсидского, скифо-сарматских диалектов) в соседние, принадлежащие другим семьям, включая неиндоевропейские; 2) так называемых “среднеиранских языков” – в памятниках письменности (среднеперсидского, парфянского, согдийского, хорезмийского, бактрийского, сакских языков или диалектов) и в виде заимствований в другие языки; 3) современных живых языков как имеющих разновременные письменные традиции (например, персидский, таджикский, курдский, пашто, осетинский), так и бесписьменных языков и диалектов (языки и диалекты Памира, ягнобский, мунджанский, малые языки и диалекты Центрального Ирана и др.). Следует подчеркнуть, что ценный лексический материал содержится также в лексике “островных” языков и даже в диалектной лексике крупных литературных языков. Зачастую этот материал не фиксируется в “стандартных” словарях, ориентированных на литературную норму. См., например, таджикские диалектные *sinhor*, *sinor*, *sunor*, *sənor* ‘невестка’ (в южных говорах Бадахшана, Ванджа, Дарваза), связанные (возможно, через субстратные восточноиранские местные языки и через уподобление терминам родства на

*-tar) с праиранским **snušā* ‘сноха, невестка’ (< и.-е. **snušó-*), в то время как в литературном таджикском языке в этом значении употребительны заимствованные *kelin*, *arūs* (в северных говорах также заимствованное *yang*). Ср. также таджикские диалектные *gawbon*, *gowbon* ‘пастух’, *gawbonak*, *gowbonak* ‘пастушок’, которые сохраняются также в фольклоре некоторых народов Памира (главным образом, в таджикоязычных песенных вставках в сказки), например, язгулямские *gubon* ‘пастух’, *gubonak* ‘пастушок’, шугнанские *gōw-būn* (пастух), *gōw-būn(ak)* ‘пастушок’. В таджикском эти слова восходят соответственно к древним **gau-pāna*- и **gāu(a)-pāna*- ‘коров // быков оберегающий’ (о раннем широком распространении вариантов этого слова свидетельствует заимствование его из скифского в западнославянские языки в форме **gъpanъ*, см. [Трубачев 1967: 71–75; ЭССЯ, 7: 197–198]). При этом в современном литературном таджикском языке это слово вытеснено другими названиями пастуха, образованными от других основ с тем же компонентом -*bon*, продолжающим **-pāna*- (*čipon*, *šubon*, *podabon*).

Учет всего этого материала показал, что исконный иранский лексический фонд значительно шире и богаче, чем тот, продолжения которого засвидетельствованы в текстах вымерших языков и в словарях крупных литературных языков.

В ЭСИЯ анализируются слова исконного иранского происхождения. Заимствования из неиранской среды, даже в древнеиранские языки, в него не входят. Основной базой служат слова, исконные для каждого иранского языка, однако в некоторых случаях рассматриваются также заимствования из одних иранских языков в другие, особенно когда они способствуют полноте охвата древнейшего иранского лексического фонда. Так, учитываются отдельные заимствования из вымерших языков, фиксируемые в диалектной лексике живых: например согдийские слова, дошедшие до нас в виде заимствований в говоры таджикского языка [Henning 1977, I: 639–652; Хромов 1965].

Существенный вклад представляют заимствования из “крупных”, “престижных” в том или ином регионе языков в другие. Таковы, например, заимствования из персидского, таджикского, дари в иранские языки Средней Азии (особенно в памирские) и Центральной Азии (особенно в пашто, мунджанский), персидские заимствования в курдский, заимствования из пашто в языки парачи и ормури и др. Это особенно важно в случаях, когда они становятся общими для ареала, входят в разряд “ареальной лексики”, вытесняя исконные. Тем более необходим их учет в случаях, когда в языке-источнике данное слово уже утрачено.

Учитываются и такие слова, особенно в “малых” языках, которые могли быть результатом не прямого заимствования, а контаминации исконного слова со сходным заимствованным словом, уподобления ему по звучанию или по семантике.

Все такие “нестандартные” случаи специально оговариваются.

Таким образом, источниками материала иранских языков послужили словари, грамматики, а также роспись текстов, включая литературные и фольклорные издания. Использовалась лексика, приводимая в многочисленных книгах и статьях по разным языкам, диалектам, говорам, а также в собственных полевых записях, сделанных в разные годы.

Источниками этимологий явились опубликованные труды, на которые в ЭСИЯ приводятся ссылки, а также собственные этимологические разработки авторов.

Так обеспечивалась первая цель ЭСИЯ – собрать в единый систематизированный корпус реконструированные праиранские лексические единицы.

4. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ КОРПУС ИРАНСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК ЧАСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Поскольку иранская языковая семья представляет собой одну из “ветвей” арийской семьи, а та, в свою очередь, – одну из ветвей группы “сатэм” большой индоевропейской семьи, второй целью ЭСИЯ было включение иранского этимологического фонда в единую общую индоевропейскую этимологическую систему в качестве ее “подсистемы”. Тем самым ЭСИЯ мог бы стать источником систематизированной этимологи-

ческой информации об иранском лексическом фонде, наглядным не только для иранистов, но и для исследователей других индоевропейских языков.

Серьезной опорой в работе над ЭСИЯ в данном аспекте явились успехи индоевропейского языкознания в целом и в разных его отраслях, включая (что особенно важно для нас) смежные с иранистикой области изучения истории индоарийских и балто-славянских языков. Все труды в этой области, даже когда в них не рассматривается собственно иранский материал, помогают, тем не менее, созданию прочной базы для этимологического анализа иранской лексики, поскольку они многократно увеличивают глубину реконструкции, выявляя этимологическое родство целого ряда иранских лексем, уже не сводимых в единое “гнездо” к праиранскому состоянию.

Стимулом к большой предварительной разработке методики и приемов подачи материала в ЭСИЯ послужили многие публикации и дискуссии о этимологических исследованиях языков разных семей и о принципах создания этимологических словарей.

Все сказанное выше предопределило принцип организации этимологий в ЭСИЯ, состав словаря, а также состав и композицию словарной статьи.

5. СТРУКТУРА СЛОВАРЯ И СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Учитывая разноцелевую направленность ЭСИЯ: а) систематизацию иранского этимологического фонда и б) включение его в общеиндоевропейский этимологический фонд, – особого внимания потребовал выбор принципа подачи материала и разработки структуры словарной статьи.

Первоначально он задумывался как перечень основных лексических единиц: корней, отдельных основ и некоторых цельнооформленных слов праиранского состояния, без подробной разработки словарной статьи. Однако уже в начале работы над словарными статьями стало ясно, что даже в таком перечне каждая реконструируемая лексическая единица должна быть подтверждена конкретным материалом тех или иных иранских языков, и чем шире круг языков и языковых групп, где налицо ее рефлекс, тем нагляднее ее существование в лексической системе всего праиранского континуума или его большей части. Ограничение содержания словарной статьи рефлексам в одном языке или даже в одной подгруппе языков иранской семьи может создать впечатление, что эта единица архаичная, отмирающая (если сохранилась только в древних памятниках) или относительно поздняя, или принадлежит к региональной лексике (что тоже возможно, учитывая ареальную разбросанность иранских языков и вхождение ряда из них в разные вторичные ареальные конвергентные образования типа языковых союзов). В результате этих соображений, а также накопленного большого этимологического фонда разных иранских языков задуманный основной список, или “корнеслов”, перерос запланированные рамки и стал уже на подготовительной стадии словником этимологического словаря.

Словарь построен по преимущественно корневому принципу (об исключениях см. ниже). О трудностях и опасностях корневого принципа (чреватого совпадениями, попаданием рефлексов отдельных слов в “чужую” статью и т. п.) было известно. Известен был и другой вариант построения – по принципу производных основ, слов и даже отдельных словоформ, проводимому в некоторых этимологических словарях, см. например, “Этимологический словарь славянских языков” [ЭССЯ] или “Сравнительно-исторический индоевропейский словарь” С. Манна [Mann 1984]. Тем не менее, в нашем случае, особенно на первом этапе систематизации, пословный принцип был невозможен по ряду причин.

Во-первых, иранские языки разошлись между собой намного раньше, а главное, – в лингвистическом отношении глубже, чем, например, славянские. “Распад” общеиранского праязыкового состояния может быть отнесен к периоду не позднее рубежа III–II тыс. до н. э. Это имеет косвенное историческое подтверждение в виде датировки зарождения зороастризма – проповедей Заратуштры и соответственно создания древнейшего ирано-язычного памятника Авесты, которое относят к началу или к исходу II тыс. до н. э. Для нас важно то, что язык Авесты уже заметно отличен от праязыкового состояния и, сле-

довательно, отодвинут от него во времени. А за четыре тысячелетия, прошедшие между праязыковым состоянием и современными языками, лексические системы изменились настолько, что рефлексy конкретных праязыковых слов и основ далеко не всегда отождествимы, к тому же не все они сохранились. Проследить же процессы этих трансформаций для подавляющего большинства иранских языков не позволяет отсутствие письменных свидетельств.

Во-вторых, в таких условиях отождествление производных основ, слов и даже некоторых словоформ, как это возможно, например, для славянских языков, без предварительного установления этимологического единства их смысловесущих элементов: корней и отдельных основ, – могло привести (и приводило некоторых исследователей) к ошибочным выводам о родственности слов на основании их сходства, иногда вторичного.

В-третьих, благодаря раннему распространению на огромные территории и очень различным видам материальной и типологической перестройки (см. [Эдельман 1968: карты; Опыт 1975; Основы 1979–1997]), расхождение иранских языков, особенно в сферах морфолого-синтаксических структур и словообразования, глубже, чем даже расхождения между древними индоевропейскими языками. Здесь выработаны по разным языкам новые словообразовательные модели и средства (см., например, вторичные глаголы – деноминативы и девербативы с суффиксом *-id* в классическом персидском языке, продолженные затем в современных персидском, таджикском и дари языках; сложноеименные глаголы в большинстве иранских языков, образуемые не только от имен, но и от глагольных основ и т.п.).

К тому же новые модели не всегда исконны: в разных регионах ареала современного и исторического распространения иранских языков имеются весьма заметные различающиеся субстратные словообразовательные модели, при том, что материал может быть и исконным. Таковы, в частности, новые слова, состоящие из индоевропейского или общеиранского материала, которые являются не только относительно поздними, но и построенными согласно моделям субстратного происхождения, представляя лексические единицы, которых и не должно было существовать в общеиранском и тем более в индоевропейском состоянии.

Это касается даже слов, относимых обычно к центральной, или так называемой ядерной, лексике (в иных терминах – к основному словарному фонду). Например, местоимения 2-го лица мн. числа в большинстве юго-восточных иранских языков, как и в соседних с ними индоарийских и дардских языках, построенные по моделям **ta//tu-māx* (в иранских языках), **ta-smā* (в индоарийских и дардских), вторая часть которых унаследована из парадигмы старых личных местоимений мн. ч., при сохранении ее в парадигме местоимения 1-го лица мн. числа (праиран. **ahmākam* > **amāxam* > **māx*): ср. язг. *tox* ‘мы’ ~ *tətox* ‘вы’, аналогично барт. *māš* ~ *tamāš*, ишк. *māx(o)* ~ *tāmāx* и т.п. При этом первая часть данных сложений представляет своего рода препозитивный детерминатив 2-го лица, продолжающий этимологически основу древнего местоимения 2-го лица ед. числа (ср. ном. **tuqam*, ген. **taqā*). Эти сложения, лексикализовавшиеся в части иранских и ареально примыкающих к ним индоарийских и дардских языках относительно поздно, параллельно и независимо, представляют собой варианты единой ареальной модели, возникшей, по-видимому, под воздействием общего субстратного построения местоимений мн. числа от основ местоимений ед. числа при помощи препозитивных формантов (подробнее см. [Эдельман 1971; 1990: 209–213], там же материал и предшествовавшая литература).

В качестве примера образования имен из исконного материала, но по субстратной модели, можно привести ваханские *brin*, *b²rin* ‘колено’ и *brəŋ* ‘локоть’, включающие в качестве начального компонента *b-* – рефлекс числительного **d(u)ua-* ‘два’, – модель, свойственная названиям парных частей тела в языке бурушаски [Стеблин-Каменский 1979; 1999: 102–103]. Субстратные модели отразились в способах построения числительных второго десятка в виде последовательности “10 + 1” взамен древней “1 + 10” и во многих других производных словах.

В-четвертых, даже в случаях утраты древними лексемами статуса самостоятельно-го слова в живых иранских языках, их рефлексy прослеживаются иногда в сложных словах в виде компонентов, ценных именно для реконструкции праиранской лексики [Абаев 1983: 75–84]. При корневой организации словаря такие сложные слова, даже инновационные, помогают выявлению единиц древнейшего праиранского лексикона, при пословной же структуре многие из них были бы упущены.

Таким образом, при пословном варианте ЭСИЯ мы сохранили бы слова древних иранских языков, относительно недалеко отошедшие от прототипов (а таких слов, учитывая ограниченность текстов, не так уж много), но огромный массив исконных корней, основ и слов, засвидетельствованных в более поздних языках, остался бы вне рассмотрения.

Поэтому выбран был преимущественно корневой принцип, а реконструируемые наиболее древние производные основы и отдельные целые словоформы, относящиеся к определенному корню и имеющие рефлексy в разных иранских языках, помещены внутрь словарной статьи, однако выделены шрифтом. Тем самым, был достигнут некий компромиссный вариант, учитывающий и корни, и производные основы с их соответствиями в древнеиндийском и других индоевропейских языках, восходящие в некоторых случаях к индоевропейскому состоянию, то есть, согласно терминологии О.Н. Трубачева, “цельнолексемные параллели”, см. [Трубачев 1974: 8; 1994: 89–90].

Итак в качестве заглавного элемента словарной статьи выступает реконструированная праиранская смысловесущая единица, представлять которую могут следующие лексические элементы:

- 1) корень (глагольный, именной или образующий разные части речи); эти статьи включают в себя также наиболее существенные производные прототипы;
- 2) основа – чаще всего именная (то есть основы существительных, прилагательных, местоимений, числительных), также с наиболее существенными производными;
- 3) слово, если оно неизменяемо (частицы, небольшое количество первичных наречий, отдельные дейктические элементы), также с наиболее существенными производными.

Словарные статьи расположены в алфавитном порядке.

При рассмотрении производных внутри словарной статьи, особенно производных с именной семантикой и соответствующей структурой, делается попытка их хронологического размежевания: а) древние доиранские производные, имеющие параллели в других индоевропейских языках, как минимум, в арийских, с зафиксированными параллелями в древнеиндийском языке (иногда также в нуристанских или дардских); б) общеиранские или, во всяком случае, достаточно древние, разделяемые несколькими иранскими языками, принадлежащими к разным группам, либо засвидетельствованные в древних памятниках; в) вторичные, относительно поздние, возникновение которых может быть соотнесено с небольшими “праязыками” для отдельных подгрупп иранских языков или с ранним состоянием единичных языков; г) поздние новообразования в отдельных языках, в том числе в наше время. Четкое хронологическое разграничение возникновения вторичных производных слов удастся не всегда: продуктивность словообразовательных моделей и реализующих их элементов в разных иранских языках в различные периоды неодинакова. Однако группы (а) и (б) по возможности выявляются и выделяются шрифтом.

Такой компромиссный принцип организации материала позволяет представить в рамках единой словарной статьи производные слова разной степени архаичности. Это делает наглядными не только явные сходства, но и так называемые глубинные этимологические связи слов (о терминах см. [Watkins 1990: 291–295]) и их индоевропейские истоки.

Представляется, что этот принцип, корневой в своей основе, но учитывающий, там, где это возможно, и наиболее существенные производные основы и слова, был самым целесообразным на данном этапе – первичного свода и систематизации иранского этимологического корпуса. Он не отменяет создания последующих “пословных” этимо-

логических словарей, если таковые удастся построить для иранской семьи в будущем (хотя есть определенные опасения, что большая, если не большая часть его статей будет охватывать региональные лексемы, к тому же не всегда синхронные друг другу). Более того, настоящий словарь может послужить для них фундаментом.

В отдельных случаях внутри словарной статьи приводятся также устойчивые словосочетания, имеющие параллели в других индоевропейских языках, прежде всего – в древнеиндийском, особенно в ведических текстах (например, авест. гат. *daēvō-zušta* – первоначально ‘угодный Богу, приверженец Бога’, ср. др.-инд. ведич. *devā-justa* – ‘приверженец Бога’, противопоставление авест. *daēva- ~ mašya-* ‘Бог’ ~ ‘человек’, ср. др.-инд. ведич. *devā- ~ mārtya-* – то же [Mayrhofer 1992: 743]), которые бывают нужны для уточнения значения праиранского слова в наиболее раннюю эпоху (см. об этом ниже).

Наиболее существенные производные слова, выделившиеся в доиранскую эпоху или в раннем состоянии праиранского периода и далеко отошедшие в семантическом плане от первичного смыслового элемента, выносятся в определенных случаях в отдельную словарную статью, с отсылкой к статье, посвященной производящему элементу – корню или первичной основе. Например, **būti-* – имя божества (?) [ЭСИЯ 2: 191], связанное с корнем **¹bau-* : *bū-* ‘быть; делаться, становиться’ из и.-е. **bheu-*, **bheuz-* ‘расти, развиваться; делаться, становиться; быть’ [ЭСИЯ 2: 128 и сл.]; **čašman-* ‘глаз’ [ЭСИЯ 2: 238 и сл.], связанное с глаголом **čaš-* (из более раннего **čašš-*) ‘смотреть, видеть; показывать(ся)’, родственного в свою очередь праиранскому **kaš-* ‘смотреть, видеть’ (подробнее см. [ЭСИЯ 2: 235, 238])³.

Подача материала разных языков в словарной статье структурирована следующим образом. Словарная статья в максимальном варианте состоит из нескольких полей.

Первое поле (ему соответствует обычно первый абзац, иногда с пояснениями во втором абзаце) включает заглавный элемент – это общеиранская (праиранская) реконструированная словарная смысловая единица (выделенная шрифтом): корень, основа, или цельное слово, с переводом ее значения на русский язык или толкованием; здесь же дается по возможности ретроспективная часть ее этимологии: сведения об общеарийском прототипе (с параллелями из древнеиндийского языка) и далее – об индоевропейском прототипе (с параллелями из других индоевропейских языков). При необходимости обсуждения вариантов реконструированного корня, как и при рассмотрении различающихся мнений разных исследователей о ранней реконструкции, к этой части делается примечание, помещаемое в конце словарной статьи.

Второе и следующие поля (начиная со второго абзаца) посвящены проспективной части этимологии – собственно иранским продолжениям общеиранского прототипа.

Во втором поле приводится зафиксированный материал древнеиранских языков – языка Авесты, древнеперсидского и мидийского, в ряде случаев – скифского. Этот материал до некоторой степени верифицирует “заглавную” реконструкцию.

Остальные поля представляют материал более поздних языков – живых и вымерших, распределенных согласно их принадлежности к генетическим подгруппам.

Обычно при наличии достаточного материала третье и четвертое поля посвящены соответственно генетическим подгруппам западноиранской группы (третье – юго-за-

³ См. также именные основы, сформировавшиеся в доиранскую эпоху от единого корня не одновременно, но существовавшие параллельно (возможно, в разных регионах) в праиранском лексиконе: 1) **anguli-*, **anguri-* ‘палец (руки и ноги)’, восходящее к и.-е. **anguli-*, образованному от и.-е. **ang(u)-* ‘сустав, угол’ (от корня **ang-*, **ank-* ‘сгибать(-ся)’) и имеющее как аналогии в других индоевропейских языках, так и продолжения в малых живых иранских языках и диалектах, и 2) **angušta-*, **angušti-* с тем же значением, восходящее к тому же индоевропейскому прототипу, но образованное позднее (предположительно в общеарийскую эпоху) по модели, соответствующей превосходной степени, и обозначавшее первоначально ‘большой палец’ (ср. др.-инд. *angūsthā-*, позднее *angūṣṭhā-* ‘большой палец’); продолжения его употребительны в подавляющем большинстве живых и вымерших иранских языков в значении ‘палец’ [Эдельман 1996: 236; ЭСИЯ 1: 168–171].

падной, четвертое – северо-западной); пятое и шестое поля аналогично представляют восточноиранский материал (пятое – материал условно выделяемой северо-восточной подгруппы, шестое – юго-восточной).

Такое расположение полей относительно друг друга диктуется историей иранских языков и различной степенью разработанности этимологий по разным группам и подгруппам иранских языков. История юго-западных языков изучена в целом значительно глубже, чем история северо-западных, благодаря как наличию письменных памятников разных хронологических и лингвистических периодов, так и (что производно) существованию длительной традиции их сравнительно-исторического изучения. “Обратный” порядок представления материала восточноиранских языков (от северных к южным) объясняется сходными причинами, а также тем фактом, что исторические контакты западных и восточных иранских языков коснулись раньше всего северной подгруппы последних (здесь наибольшее количество ранних взаимных заимствований, которые оговариваются особо). Юго-восточная группа подверглась значительно большей ранней изоляции от других представителей иранского языкового мира и большей дивергенции. Контакты составляющих ее языков с языками западной группы носят относительно поздний характер, хотя и весьма интенсивный. В основном результатами этих контактов являются многочисленные заимствования в восточноиранских языках из “престижных” в данных регионах персидского, дари и таджикского языков.

Внутри каждого из полей также соблюдается определенный порядок расположения материала по генетическим группам и подгруппам внутри них. Однако здесь возможны варианты, обусловленные историей конкретных лексических единиц.

Рассмотрение в словарных статьях конкретных основ и слов имеет определенную специфику, связанную с учетом словообразовательной и грамматической системы того или иного хронологического среза, включая праиранский, и с характером семантико-грамматического характера производных основ и слов.

Так, при анализе древних существительных грамматический род указывается в тех случаях, когда он является существенным для этимологии и семантики слова, а также тогда, когда род древнего существительного предопределяет исход основы, что отражается затем в фонетическом или морфологическом облике слова, в типах позднейших перегласовок основ в ряде языков (хотя и далеко не во всех). Например, для ряда языков, особенно восточноиранской группы, характерны перегласовки корня по принципу *a*-умлаута в рефлексах основ на **-ā* и *i*-умлаута в рефлексах основ на **-ī*, **-i*. Такие перегласовки во многих именах и причастиях связаны с формами женского рода. Особый тип отражения характерен для терминов родства на **-tar-*, основы которых в ряде языков закрепляются в том виде, в котором они обычно выступают в звательных вариантах слова (например, в виде рефлексов древнего вокатива, более позднего косвенного падежа, вторичной специальной звательной форме, подробнее см. [Эдельман 1999: 101–105], в качестве образца см. лексику **brātar-* ‘брат; член большой семьи; кровный родственник’ [ЭСИЯ 2: 178 и сл.]).

Некоторые разряды местоимений (личные и указательные), как известно, имели в общеиранском состоянии (что продолжилось и в последующие эпохи) супплетивные парадигмы, например, личное местоимение 1-го лица ед. числа ном. **ažam*, с основой в косвенных падежах **ma-*. В ЭСИЯ эти основы рассматриваются в разных словарных статьях, но с отсылками к тем статьям, где представлена “парная” основа. Учитывается также, что для некоторых указательных местоимений такое сведение в единую языковую парадигму разных основ является данью традиции и отражает, возможно, их диалектное “сцепление”, свойственное не всему общеиранскому континuumу (особенно это касается праиранских основ **ha-* < и.-е. **so-* и праиран. **ta-* < и.-е. **to-*, а также образованных ранним сращением их с **ai-*: праиранских **aiša-* и **aita-*), подробнее о них см. [Эдельман 1990: 57, 214 и сл.]). Сомнительные случаи оговариваются особо.

Особую трудность для композиции представили статьи, содержащие корни и основы, обозначающие действие или состояние, то есть практически – с глагольной семантикой. Здесь приходится ориентироваться на “усредненное” значение корня, а также на

элементы глагольной морфологии и словообразования, поскольку такие элементы значения, как переходность/непереходность глагола, длительность/краткость, иногда – направление действия, начало состояния и прочие, в древних иранских языках и в праязыке зависят от классов презентных основ, от наличия и характера превербов и т.д., то есть реализуются различными способами, находящимися между формо- и словообразованием. Так, например, здесь различаются, с одной стороны, – так называемые каузативные основы (с подъемом огласовки, с суффиксом **-aia-*) с действительно каузативным или с переходным значением; основы с назальными элементами, которые во многих иранских языках продолжились чаще всего с переходным значением (что сказалось на их словоизменительных парадигмах и на создании ими определенных синтаксических структур), а с другой стороны, – так называемые “пассивные” основы на **-ia* (которые часто были не пассивными, а просто непереходными), “инхоативные” на **-sa* (из и.-е. **-ske/o*) и некоторые другие, рефлексy которых имеют чаще всего непереходное значение и соответствующие типы спряжения (и образуют соответствующие синтаксические структуры). Уже одно это различие требовало указывать при представлении глаголов в живых и вымерших иранских языках их древние прототипы, чтобы прояснить становление этих основ, форм и их семантики, хотя композиционная “стройность” словарной статьи при этом выдерживается не всегда.

Определенную специфику имеет также подача материала глаголов в разных языках. Для большинства иранских языков наиболее удобно традиционно принятое представление глагольных лексем в виде основы настоящего времени (происходящей из древней презентной или уподобленной ей) и – через двоеточие – основы прошедшего времени. Последняя в подавляющем большинстве языков является продолжением древнего так называемого “перфектного” причастия на **-ta-*, а в отдельных языках, например, в ваханском, также причастия на **-na-*, в единичных глаголах в ряде иранских языков – причастия на **-ia-*; отмечаются и вторичные основы прошедшего времени, построенные по аналогии к древним.

При этом древние причастия на **-ta* в ряде статей требуют особого внимания, поскольку они могут иметь рефлексами не только основы прошедшего времени, входящие в глагольную парадигму, но и имена прилагательные и существительные с соответствующей морфологией. Иногда это вызывает вторичные, но весьма древние, изменения в причастиях, отразившиеся затем в разных языках. Ср. например, с одной стороны, фонетически “правильное” развитие причастия праиран. **kata-* ‘выкопанное, вырытое’ (< и.-е. **k_ṇ-to-*) от корня **kan-* ‘копать, рыть; вырывать’ с переходом его в разряд имен: авест. *kata-* ‘хижина, дом’ < ‘землянка’ и заимствованное из иранской среды (через посредников) слав. *xama*, а с другой, – несколько видоизмененное (во избежание омонимии?) причастие с огласовкой в виде слабого или полного дифтонга, то есть **k_ṇta-* или **kanta-*, продолженное в ряде языков в виде основ прошедшего времени глаголов ‘рыть, копать; вырывать’. Ср., например, перс. *kad-* (в сложных словах) ‘дом’ ~ *kand* ‘выкопал, выдернул’, в севернопамирских языках шугн. *čid* ‘дом’ ~ *čint* ‘выкопал, выковырял’, язг. *kūd* ‘дом’ ~ *kont* ‘выкопал’, в языке пшт. *kəlay* ‘деревня’ ~ *kand-*, *kind-* основа прош. времени глагола ‘копать, рыть’.

В некоторых глаголах налицо супплетивное спряжение, при котором основа настоящего времени продолжает презентную основу от одного корня, а основа прошедшего времени – причастие от другого. В ряде случаев супплетивизм носил весьма ранний и распространенный характер, благодаря чему одинаковое “сцепление” основ прослеживается в языках разных генетических групп. Например, в значении ‘идти, двигаться’ (с разными превербами также ‘уходить’, ‘приходить’ и т.д.) в персидском, таджикском, согдийском, хорезмийском и многих других выступают: для основ настоящего времени – рефлексy презентных основ от корня **ai-*, для основ прошедшего времени – рефлексy причастий от корня **gam-*, в мунджанском языке соответственно рефлексy **ai-* и **čiau-*, см. [ЭСИЯ 1: 110 и сл.; ЭСИЯ 2: 264]. Каждая основа таких глаголов рас-

считается в соответствующей статье, с отсылкой к “парной” статье, как и при рассмотрении местоимений.

В материале тех языков, в которых зафиксирован инфинитив (в условиях скудости текстов вымерших языков и недостаточности материала ряда бесписьменных живых языков отсутствие сведений об инфинитиве – не редкость) и где он может быть образован нерегулярным способом, приводится также форма инфинитива. Следует отметить, однако, что термин “инфинитив” для большинства иранских языков весьма условен: как правило, это одновременно и имя действия, “масдар”, обладающий рядом именных грамматических категорий. В разных иранских языках он может восходить к разным более ранним формам. Например, в языке Авесты – это застывшая падежная форма отглагольного имени (см. [Benveniste 1935; Соколов 1979: 230–232]), в более поздних языках это либо продолжения древнего имени действия (чаще всего – с суффиксом **-ti-*, как в славянских языках), либо новое имя действия от основы прошедшего времени (то есть, бывшего причастия), в отдельных языках – от древней презентной основы или от новой основы настоящего времени. Различия возможны даже между относительно близкородственными языками, ср., например, инфинитивы: шугн. *čīxtōw* ‘смотреть’, краткая форма *čīxt* из имени действия **kašti-* от праиранского корня **kaš-* ‘смотреть, видеть’, но язг. *kaśaj* от основы настоящего времени из древней презентной основы этого же глагола. Поэтому инфинитив не всегда бывает показателем для отождествления глагольной лексемы, и представление материала глаголов в виде только инфинитивов затруднило бы их этимологическое сравнение.

В некоторых случаях, когда перегласовки основ и корней в разных формах глаголов на разных хронологических этапах делают эти основы трудно отождествимыми с их прототипами, в статьях приводятся конкретные глагольные формы с их этимологиями, например, хотаносакское *butte* ‘(он) знает’ < **baudatai* от корня **baud-* ‘бодрствовать; чують, пахнуть’ [ЭСИЯ 2: 139], язг. *kəxt* ‘(он) делает’ < **kərti* < **kərnti* < **k_ṛ-nau-ti* от корня **kar-* ‘делать’ и т. д. В случаях сходного развития древних основ и форм в нескольких близкородственных языках, то чтобы избежать повторов, прототипы приводятся после перечисления реальных форм всех этих языков, см., например, рефлексy форм от корня **č̥jau-* ‘идти, двигаться’ в языках шугнано-рушанской группы [ЭСИЯ 2: 264–265], хотя нагляднее было бы поместить прототипы после каждой основы и формы каждого языка, например, для шугнанского: основа наст. времени *sāw-* < **č̥jauca-*, форма 3-го л. ед. числа наст. времени *sūd* < **č̥jaucati*, основа прош. времени муж. рода *sut* < **č̥juta-*, жен. рода и мн. числа *sat* < **č̥jutāh-*; основа инфинитива *sit(t)-* из имени действия **č̥juti-*.

6. ФОРМА ПОДАЧИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Как уже говорилось, общеиранские прототипы представлены в том фонетическом облике и с тем фонологическим составом, в котором они реконструируются для наиболее архаичного праязыкового состояния, упоминавшегося выше: соответственно с изображением рефлексов индоевропейских палатальных согласных в виде свистяще-шипящих **š*, **ž*; рефлексов индоевропейской свистящей **s*, которая в праиранском состоянии была еще единой фонемой **s/h/z*, в виде ее позиционных фонетических вариантов; с обозначением чередований ступеней огласовок и чередований отдельных согласных (**k* – **č*, **g* – **j* и др.) и т.п. Это отражено в транскрипции заглавных слов – общеиранских прототипов корней, основ и слов.

Индоевропейские прототипы и параллели из других индоевропейских языков приводятся как правило в том написании, в котором они даются в соответствующих источниках по этим языкам или в обобщающих индоевропеистических трудах. Для демонстрации ретроспективы праиранского состояния важна индоевропейская система позднейшего периода, то есть с качественными различиями гласных **e*, **a*, **o*, с оппозицией кратких и долгих гласных (т.е. **e* – **ē*, **a* – **ā*, **o* – **ō*) и аналогичных слоговых

вариантов сонантов. Ларингалы отмечаются только в случае необходимости. Смычные согласные представлены как реализующиеся по принципу “звонкая непридыхательная – звонкая придыхательная – глухая”, то есть по типу **d – *dh – *t*. Иными словами, в ЭСИЯ в принципе соблюдается подача индоевропейских прототипов в транскрипции, принятой в [Рокоту 1959]. Более ранняя индоевропейская система, подразумевающая систему ларингалов и консонантную оппозицию “глухая (слабая или глоттализованная) – звонкая (придыхательная) – глухая (придыхательная)”, типа **t – *dʰ – *tʰ* (см. [Гамкрелидзе, Иванов Вяч.Вс. 1984, I: 15]), учитывается, но материал дается в этой нотации только в случае необходимости.

Особо следует оговорить представление огласовок в индоевропейских прототипах. Для целого ряда праиранских корней и основ, имеющих в анлауте перед первой гласной смычные **k* или **g* (то есть начинающихся на **k-*, **sk-*, **g-* и редких с анлаутом **zg-*), приходится предполагать позднюю индоевропейскую огласовку в виде не **e*, обычной для словаря Ю. Покорного, а **a* или **o* (и соответствующих долгих). Это объясняется тем фактом, что в праиранском, как и в большинстве языков группы сатэм, рефлекс индоевропейских гуттуральных (простых и лабиализованных) перед **e* представлены уже палатализованными продвинутыми в средний ряд **ç*, **j*. В тех праиранских лексемах, где такая палатализация не произошла, можно предположить либо огласовки типа **a*, **o* в позднем индоевропейском (возможно, диалектном) прототипе, либо раннюю праарийскую унификацию огласовок по типу **a* (в именах также **o*), сохранившую рефлекс гуттуральных в заднеязычной зоне. Ср., в этой связи праиранское **kaš-* ‘смотреть, видеть’ из и.-е. **kʰak̑-* ‘смотреть, видеть’ с огласовкой **-a* или **-o-*, но праиранские **čaš-* (< **časš-*) ‘смотреть, видеть; показывать(ся); пробовать; обучать’ и т.п., производное **čašman-* (< **časšman-*) ‘глаз’ из и.-е. **kʰek̑-s-* ‘смотреть, видеть’ с огласовкой **-e-* (см. [Рокоту 1959: 638–639; ЭСИЯ 2: 235–242]).

Конкретный материал иранских языков приводится обычно в традиционной Международной иранистической транскрипции на основе латинского алфавита с добавлением отдельных греческих букв и дополнительных транскрипционных знаков и диакритик. Это делается в целях удобства сравнения слов разных языков и доступности для читателей разных специальностей, поскольку для тех иранских языков, которые зафиксированы в письменности, используются разные графические системы: клинопись (древнеперсидский язык), разновидности арамейского письма (среднеперсидский, парфянский, согдийский, часть хорезмийского материала; авестийские тексты, записанные в среднеперсидскую эпоху), арабский алфавит с добавлением определенных знаков (большая часть хорезмийских записей, классический и современный персидский, пашто, белуджский, часть диалектов курдского языка и др.), еврейское письмо (татский язык на Северном Кавказе, тексты на диалектах таджикского и персидского языков, зафиксированные в иудейских общинах), письмо на основе индийского алфавита брахми (сакские тексты), греческий алфавит (бактрийский язык; аланская надпись), латинский (часть диалектов курдского языка), кириллический (таджикский, осетинский, курдский язык на территории бывшего СССР).

Данные тех иранских языков, фонологический строй которых установлен, приводятся в фонологической транскрипции; материал же языков, фонологический строй которых не установлен или исследован недостаточно, дается в фонетической транскрипции либо в фонологической с большой долей фонетических элементов.

Данные осетинского языка приводятся в транскрипции, принятой в трудах В.И. Абаева; в процессе унификации заменены лишь отдельные знаки.

Материал некоторых вымерших иранских языков, известный из письменных памятников и традиционно приводимый в научных трудах в транскрипции и/или в транслитерации (среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, бактрийский), подается в ЭСИЯ либо в том виде, в котором принята его традиционная передача (например, в общепринятой транслитерации для согдийского, но в транскрипции для среднеперсидского), либо при необходимости и в транскрипции, и в транслитерации. В последнем случае используются различающие их скобки: соответственно прямые или фигурные.

Материал сакских языков приводится в традиционной для них транслитерации. В подаче материала языка Авесты и древнеперсидского используется традиционная транскрипция, в которой, например, рефлексy общеиранских неслоговых вариантов сонантов **y* и **i* изображаются традиционными знаками *y* и *y* соответственно, а не принятыми в ряде работ последних лет по языку Авесты знаками транслитерации *iii* и *ii*. Для наглядности историко-фонетического изменения слов фонетическое представление более удобно.

Ссылки на источники опубликованных этимологий приводятся по ходу изложения, ссылки на общие работы также в конце словарной статьи.

Более подробные сведения о структуре ЭСИЯ приведены во “Введении” к 1-му тому [Эдельман 2000: 24–29].

7. СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В ЭСИЯ

Особого внимания постоянно требует семантическая составляющая ЭСИЯ. Конкретные решения о семантике праязыковых лексических элементов приходится принимать при разработке почти каждой словарной статьи. Это связано с трудностями в реконструкции как значения (или круга значений) отдельного праиранского элемента-прототипа, так и семантических отношений этих элементов в относительно единой лексической системе общеиранского состояния.

Собственно, такие трудности возникают иногда и при реконструкции семантики удаленного от нас во времени слова в истории одного языка – живого (например, раннего пашто) или зафиксированного памятниками письменности (например, раннесогдийского). Ощутимы они и при анализе лексических систем праязыков для небольших генетических групп и подгрупп внутри иранской языковой семьи (например, севернопамирской группы относительно близкородственных языков). В отношении же лексической единицы праязыка для семьи таких давно и далеко (в лингвистическом и ареальном смыслах) разошедшихся языков, как иранские, дело осложняется еще и шириной диапазона позднего разброса значений. Иногда он бывает настолько широк, что трудно вычленить основные смысловые точки, которые могли бы быть спроецированы на праязыковую систему и которые были бы а) синхронны друг другу (о чем см. ниже), б) синхронны реконструируемой фонетической, фонологической и морфологической системам праязыка. Эта синхронность не всегда самоочевидна, учитывая протяженность существования праязыка во времени. К тому же эти смысловые элементы предположительно должны быть характерными для той или иной лексики на пространстве всего праязыкового диалектного континуума или во всяком случае на большей его части.

Приходится сталкиваться с методической двойственностью в реконструкции лексического элемента как языкового знака: мы можем с помощью строгих историко-фонетических и историко-морфологических процедур относительно непротиворечиво восстановить внешнюю оболочку лексики (звучание, фонемный состав и даже словообразовательную модель и средства), то есть “означающее”, поскольку состав праиранских фонем и морфем в принципе конечен. Что же касается реконструкции “означаемого” – семантики лексического элемента, то здесь применение столь же строгих процедур реконструкции невозможно: содержательная сторона языка заведомо открыта, состав сем неконечен. Отсутствие строгих процедур приходится компенсировать выходом за пределы лингвистической реконструкции. На практике приходится опираться на более поздние значения рефлексов предполагаемой лексической единицы, учитывая при этом доступные сведения о культурно-историческом фоне появления или функционирования слова. Иногда остается полагаться в конечном счете на интуицию и на здравый смысл.

В некоторых случаях метода “Wörter und Sachen” действительно способствует установлению относительно точной семантики названия той или иной реалии и возможного времени и условий его появления. Об опасности проецирования на общеиран-

ский праязыковой хронологический срез отдельных слов и соответствующих им понятий уже говорилось⁴. Число таких примеров можно умножить.

Однако при анализе слов, не связанных напрямую с вещными реалиями, приходится довольствоваться косвенными данными. Например, праиран. **daiça-* (из арийск. **daiça-* < и.-е. **deīco-s* ‘Бог, Небесный’) обозначало первоначально и в праиранском ‘божество, Бог’, хотя позднее, с распространением зороастризма и затем ислама, приобрело отрицательное значение ‘ложное божество’ → ‘злое божество’ → ‘злой дух; демон; “дэв”’, распространившееся по иранскому (и не только) миру. Вместе с тем, о первоначальном значении ‘божество, Бог’ свидетельствуют не только упоминавшиеся выше единичные формулы в Авесте и отдельные рефлексy в некоторых более поздних языках, в частности, в осетинском, согдийском (см. [ЭСИЯ 2: 306–310], там же литература), но и сохранившиеся (во всяком случае, до середины XX века) народные верования в горных регионах Средней и Центральной Азии, где продолжения этого имени обозначают почитаемые божества старого пантеона. Праиранское **baiçar-/ *baiçan-* (с неясной более ранней этимологией), рефлексy которого в разных иранских языках трактуются как “десять тысяч”, первоначально было не числительным, а существительным, обозначавшим ‘несметное множество, мириады’, о чем говорят продолжение этой основы в осет. *bīræ* | *beræ*, *bewræ* ‘много, многий; долго, очень’ [Абаев 1949: 22, 159; Абаев ИЭСОЯ. I: 262], значения ‘несметного множества’ в некоторых других языках [ЭСИЯ 2: 63–64], а также то соображение, что точное числительное такого высокого порядка для того периода едва ли существовало, во всяком случае, во всех ареалах праиранского континуума.

Тем более трудным оказалось выявление семантики слов, а особенно корней, связанных с обозначением действий (о чем говорилось выше), абстрактных понятий и пр.

Практически при реконструкции словарного элемента выявлению поддаются лишь основные “опорные точки”, или “вехи”, его семантики. К тому же заведомое отсутствие контекста (кроме единичных случаев употребления слова в поэтических, мистических и иных формулах, имеющих параллели в других индоевропейских языках) ограничивает возможности установления лексической синтагматики, стилистических вариантов, границ словоупотребления и т.п. В результате мы не можем определить сколько-нибудь полный круг значений праязыкового лексического элемента и, соответственно, границы этого круга, поскольку отсутствует возможность проверить наличие или отсутствие того или иного оттенка значения слова, его стилистической окраски и т.п.: нет критерия “так можно сказать, а так нельзя”. Еще сложнее реконструировать круг значений не слова, а корня.

Трудности выявления семантики отдельных праязыковых лексических единиц скажутся, кроме прочего, на сопоставлении их друг с другом в рамках предполагаемой единой лексической системы. В связи с этим возникает целый ряд взаимосвязанных проблем синонимии и омонимии в лексической системе праязыка (как впрочем и в системе не зафиксированных письменностью ранних состояний отдельных языков).

Так, мы далеко не всегда можем определить, являлись ли синонимами те или иные пары реконструированных праязыковых лексических единиц, различавшихся фонетически, но близких по смыслу, или они соприкасались только в единичных “вехах” своей семантики. К тому же, учитывая ареальную и темпоральную неоднородность прая-

⁴ См. высказывание О. Семереньи [Szemerényi 1959: 60–61], см. также упоминавшиеся ранее ареальные названия водяной мельницы в Средней и Центральной Азии, которые могут быть формально реконструированы в виде производных праиранских композитов: **x^vat-āra(na)(ka)-*, букв. ‘само-мельница’ и **x^vat-āra(na)(ka)-*, букв. ‘само-молка’, образованных на базе исконного материала, продолжающего соответствующий индоевропейский, и согласующихся с исконной же основной моделью. Однако природные условия и способ хозяйствования соответствующей древней эпохи не предполагали существования такой реалии, и наличие ее обозначения для об-щепраиранского периода более чем сомнительно (материалы см. [Эдельман 1994: 61]).

зыковой системы, мы не всегда можем с уверенностью сказать, были ли эти сходные значения данных слов свойственными всему праиранскому ареалу или принадлежали разным диалектам и, следовательно, разным лексическим системам; были ли сходные значения разных слов синхронными друг другу или в одном из слов данное значение развилось тогда, когда в другом оно уже угасло. Возможно, в каких-то случаях те или иные лексические единицы представляются синонимичными только при взгляде “отсюда”, при их условной проекции на единую плоскость.

Вместе с тем, прослеживаются некоторые лексические варианты, которые могут свидетельствовать о жанровой, стилистической неоднородности праязыковой системы, о наличии в ней диглоссии, о сосуществовании архаизмов и инноваций и т.п.

Так, например, упоминавшиеся выше обозначения коня и собаки в разных иранских языках приводят нас к двум разным праформам древнейшего не диалектного, а общеиранского состояния: к **ašya-* из и.-е. **ekūg-* ‘лошадь, конь’ и к отглагольному **bāra-ka-* ‘конь, лошадь’ ← ‘несущий (всадника, груз)’ от корня **bar-* ‘нести, вести, везти’ (ср. [ЭСИЯ 1: 243–244] и [ЭСИЯ 2: 101–102]; обозначения собаки – к **šyan-* : *šun-* из и.-е. **k̑yon* : *kun-* ‘собака’ и к (возможно, звукосимволическим, эмоциональным) муж. рода **kuta-*, жен. рода **kuti-* (ср. русск. *кутя, кутенок*), а также др.-иран. **gad̥ya-* (см. авест. поздн. *gad̥ya-* муж. род, *gad̥iā-* жен. род) ‘собака’ ← ‘лающая’ от корня **gad-* ‘(громко) говорить; лаять’ (? по мнению Хр. Бартоломе [Bartholomae 1904: 489], это слово неясной этимологии могло обозначать собаку иной породы, чем авест. *span-* ‘собака’ – рефлекс **šyan-*)⁵. Не исключено, что такие различия могли быть обусловлены диглоссией (см. [Kazama 1986: 289–300]).

В качестве примеров сосуществования в праязыке архаизмов и инноваций (иногда и тех, и других – доиранского происхождения) можно привести обозначения ночи: архаичное, сохранившееся еще в общеиранском состоянии **nakt-*, *naxt-* ‘ночь’ из и.-е. **nek̑t-(t)-*, **nok̑t-* (жен. род), **nok̑ti-* (жен. род), **nok̑ti(e)r-* (ср. р.) ‘ночь’ и относительно инновационное, но доиранское общеир. **xšap-* (и **xšapan-* : *xšapan-*, **xšapā-*) из соответствующего общеарийского **kšap-* ‘ночь’, восходящего к и.-е. **k̑sep-* ‘темный, темнота’ (подробнее иранский материал см. [Эдельман 1996]); или обозначения глаза: редкое архаичное **aš-* < **axš-* ‘глаз(а), очи’, отмеченное в форме двойственного числа ср. рода **aši-* > авест. *aši* ‘глаза (преимущественно дэвовских существ)’, восходящее к и.-е. **ok̑-* ‘видеть’ и родственное русскому *очи* [ЭСИЯ 1: 281–283] и широко распространенное **čašman-* ‘глаз’ [ЭСИЯ 2: 238 и сл.], о котором говорилось выше. И архаичные, и новые варианты отразились затем в дочерних иранских языках – во всех или в некоторых; они рассматриваются в соответствующих словарных статьях.

Не всегда однозначно могут быть определены и взаимоотношения в реконструируемой системе некоторых лексических единиц, сходных материально, но явно различающихся семантически. Если их различное происхождение, включая продолжение в них различных доиранских элементов, способствует их однозначной трактовке как праиранских омонимов (например, часть праиранских корней из семи предположительных омонимов **dā-*, четыре корня **bar-* и т.п.), то в случае наличия единого доиранского прототипа вопрос об отнесении таких праиранских единиц к единому “словарному слову” с развитой (или еще не угасшей) полисемией либо к разным “словарным словам” – омонимам – решается каждый раз по-своему. В этом случае иногда возникает проблема с определением относительной хронологии периода “расщепления” единого доиранского лексического элемента на омонимы: в доиранскую эпоху или в иранскую (вклю-

⁵ О том, что данное авестийское название собаки – не исключение, говорят продолжения этой основы, во всяком случае, в нескольких языках: ср. мундж. *ɣɒlv* ‘собака’; осет. ирон. *qævdyn* ‘щенок’ < **gad̥yaina-* с метатезой [Абаев 1949: 57; Абаев ИЭСОЯ, II: 299], согд. ман. *ʃβδk* название животного, предположительно ‘сука’ [Gershevitch 1954: 38, 149]; ягн. *kud ɣafča* ‘щенок’, где *ɣafča* < **gad̥ya-čila-*, а первая часть – из **kuta-*.

чая праязыковую)⁶. От решения этого вопроса зависит подача таких праязыковых реконструированных слов в ЭСИЯ: в единой словарной статье или в разных статьях в качестве омонимов.

* * *

Здесь была представлена часть проблем, которые возникали и продолжают возникать при работе над ЭСИЯ. Почти все они в той или иной мере касаются праязыковой лексической системы. Другая группа проблем, связанная с дальнейшими изменениями в лексике иранских языков, будет освещена в будущей публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев ИЭСОЯ – В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979; Т. IV. Л., 1989; Указатель (Ук.). М., 1995.
- Абаев 1949 – В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949.
- Абаев 1965 – В.И. Абаев. Предисловие // Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
- Абаев 1983 – В.И. Абаев. Сложные слова – хранители древней лексики // ВЯ. 1983. № 4.
- Гамкрелидзе, Иванов Вяч.Вс. 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тб., 1984.
- Миллер 1881; 1882; 1887 – Вс.Ф. Миллер. Осетинские этюды. Ч. 1. М., 1881; Ч. 2. М., 1882; Ч. 3. М., 1887.
- Опыт 1975 – Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I–II. М., 1975.
- Основы 1979–1997 – Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979; Среднеиранские языки. М., 1981; Новоиранские языки. Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982; Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987; Новоиранские языки. Северо-западная группа. I. М., 1991; Новоиранские языки. Северо-западная группа. II. М., 1997.
- Расторгуева 1964 – В.С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.
- Расторгуева 1990 – В.С. Расторгуева. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990.
- Соколова 1967 – В.С. Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- Соколова 1973 – В.С. Соколова. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973.
- Соколов 1979 – С.Н. Соколов. Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Стеблин-Каменский 1971 – И.М. Стеблин-Каменский. Историческая фонетика ваханского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
- Стеблин-Каменский 1979 – И.М. Стеблин-Каменский. “Колени” и “локти” памирского субстрата // Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979.
- Стеблин-Каменский 1981 – И.М. Стеблин-Каменский. Историческая классификация ваханских глаголов // Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981.
- Стеблин-Каменский 1982 – И.М. Стеблин-Каменский. Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.

⁶ Примером пограничного случая между “вторичной омонимией” и “полисемией” являются праиранские **nāi*- ‘лодка’ и **nāi*- ‘желоб’, связанные этимологически с индоевропейским корнем **nāi*-, обозначавшим предположительно ‘выдолбленный ствол (дерева)’ [Рокоту 1959: 755–756], и разошедшиеся в значении (второе слово могло также контаминироваться с производными от глагольного корня **nai*- ‘двигаться’). Трактовка их как относящихся к одному и тому же общеиранскому слову или как омонимов зависит от того, к какому периоду относится семантическое расщепление рефлексов индоевропейского прототипа (подробнее с материалом разных языков см. [Эдельман 1994: 72–74]).

- Стеблин–Каменский 1985 – И.М. Стеблин–Каменский. Название пахотного орудия в памирских языках // Иранское языкознание. Ежегодник. 1981. М., 1985.
- Стеблин–Каменский 1987 – И.М. Стеблин–Каменский. Термины орошения в памирских языках // Иранское языкознание. Ежегодник. 1982. М., 1987.
- Стеблин–Каменский 1999 – И.М. Стеблин–Каменский. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- Трубачев 1967 – О.Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967.
- Трубачев 1974 – О.Н. Трубачев. От редактора // ЭССЯ. Т. 1. М., 1974.
- Трубачев 1994 – О.Н. Трубачев. Маргиналии к новому “Этимологическому словарю древнеиндоарийского языка” М. Майрхофера // ВЯ. 1994. № 3.
- Хромов 1965 – А.Л. Хромов. Согдийские слова в говорах таджикского языка // Изв. АН ТаджССР, Отделение общественных наук. Душанбе, 1965. № 3 (41).
- Цаболов 2001 – Р.Л. Цаболов. Этимологический словарь курдского языка. Т. I (А–М). М., 2001.
- Эдельман 1968 – Д.И. Эдельман. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М., 1968.
- Эдельман 1971 – Д.И. Эдельман. К вопросу о словообразовании местоимений в иранских языках // Индийская и иранская филология. Вопросы лексики. М., 1971.
- Эдельман 1982 – Д.И. Эдельман. К перспективам реконструкции общеиранского состояния // ВЯ. 1982. № 1.
- Эдельман 1986 – Д.И. Эдельман. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- Эдельман 1990 – Д.И. Эдельман. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
- Эдельман 1992 – Д.И. Эдельман. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // ВЯ. 1992. № 3.
- Эдельман 1994 – Д.И. Эдельман. Состояние и перспективы сравнительно-исторической лексикологии иранских языков // ВЯ. 1994. № 3.
- Эдельман 1995 – Д.И. Эдельман. Еще раз о взаимодействии языковых уровней в истории иранских языков // ВЯ. 1995. № 4.
- Эдельман 1996 – Д.И. Эдельман. Свидетельства “малых” языков об истории языковой семьи (на примере “Этимологического словаря иранских языков”) // Гуманитарная наука в России. Соросовские лауреаты. Филология. Литературоведение. Культурология. Лингвистика. Искусствознание. М., 1996.
- Эдельман 1999 – Д.И. Эдельман. К истории форм терминов родства на *-tar в иранских языках // Уч. зап. С.-Петербургского ун-та. № 432. Серия востоковедческих наук. Вып. 37. Востоковедение. 21. Филологические исследования. СПб., 1999.
- Эдельман 2000 – Д.И. Эдельман. Введение // ЭСИЯ 1. М., 2000.
- ЭСИЯ 1 – В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2000.
- ЭСИЯ 2 – В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2003.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Вып. 1 – / Под ред. О.Н. Трубачева. М. 1974–.
- Bailey 1979 – H.W. Bailey. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1979.
- Bartholomae 1904 – Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin; New York, 1979).
- Benveniste 1935 – É. Benveniste. Les infinitifs avestiques. Paris, 1935.
- Compendium 1989 – Compendium linguarum Iranicarum / Hrsg. von R. Schmitt. Wiesbaden, 1989.
- Edelman 1980 – D.I. Edelman. History of the consonant systems of the North-Pamir languages // III. 1980. V. 22. Pt 4.
- Edelman 1983 – D.I. Edelman. The Dardic and Nuristani languages. M., 1983.
- Emmerick 1968 – R.E. Emmerick. Saka grammatical studies. London, 1968.
- Emmerick, Skjærvø 1982, 1987 – R.E. Emmerick, P.O. Skjærvø. Studies in the vocabulary of Khotanese. Wien, I – 1982; II – 1987.
- Gershevitch 1954 – I. Gershevitch. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.
- Gharib 1995 – B. Gharib. Sogdian dictionary. Sogdian-Persian-English. Tehran, 1995.
- GIPI 1, 2 – Grundriss der Iranischen Philologie. Bd. I. Abt. 2. Strassburg, 1898–1901.

- Henning 1977 – *W.B. Henning*. Selected papers. V. I–II. Téhéran; Liège, 1977 (Acta Iranica. T. 14–15).
- Kazama 1986 – *Kiozo Kazama*. A phase of the history of Indic // The journal of Indo-European studies. Washington, 1986. V. 14. № 3–4.
- Mann 1984 – *S.E. Mann*. An Indo-European comparative dictionary. V. I. Fasc. 1–... Hamburg, 1984–...
- Mayrhofer 1992 – *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Fasc. 10. Heidelberg, 1992.
- Morgenstierne 1927 – *G. Morgenstierne*. An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- Morgenstierne 1928 – *G. Morgenstierne*. Notes on Shughni // NTS. 1928. Bd. I.
- Morgenstierne 1929–1973 – *G. Morgenstierne*. Indo-Iranian frontier languages. V. I – 1929; V. II – 1938; V. III, pt 1 – 1967, pt 2 – 1944, pt 3 – 1956; V. IV – 1973. Oslo.
- Morgenstierne 1958 – *G. Morgenstierne*. Neu-iranische Sprachen // Handbuch der Orientalistik. 1958. Abt. 1. Bd. 4. Abschnitt 1.
- Morgenstierne 1974 – *G. Morgenstierne*. Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974.
- Pokorny 1959 – *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Szemerényi 1959 – *O. Szemerényi*. Iranian studies I // KZ. 1959. Bd. 76. Hft. 1–2.
- Szemerényi 1967 – *O. Szemerényi*. Iranica II // Die Sprache. 1967. T. XII. № 2. Wien.
- Watkins 1990 – *C. Watkins*. Etymologies, equations, and comparanda: Types and values, and criteria for judgement // Linguistic change and reconstruction methodology/Ed. by Ph. Baldi (Trends in linguistics. Studies and monographs 45). Berlin; New York, 1990.